

Veronika BELIAEVA-SACHUK* (The Kunstkamera, St. Petersburg, Russia)

Восточная экспедиция Вацлава Серошевского и Бронислава Пилсудского 1903 года

Eastern Expedition of Waclaw Sieroszewski and Bronislaw Pilsudski in 1903

<https://doi.org/10.34739/his.2021.10.15>

Abstract: *The article presents the history of the Eastern Expedition of 1903, which was organized by the Imperial Russian Geographical Society. It was organized with the assistance of well-known Russian scientists and public figures. The purpose of the expedition was to conduct basic research in East Asia on the territory of north-eastern Manchuria (Dauria), in Japan, Korea and China. On the ground, the members of the expedition Sieroszewski and Pilsudski were actively supported by Russian officials and official representatives of the authorities. Due to the deterioration of Russian-Japanese relations, as well as the high cost of living in Hokkaido, the expedition ended in the autumn of 1903, having passed only two stages – research in Manchuria and Hokkaido. Three collections were collected during the expedition – on the culture of Barguts, Solons, Ainu and Japanese – which are kept in Kunstkamera.*

Key words: Eastern Expedition 1903, Imperial Russian Geographical Society, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Ainu, Solona, Barguta, Daura, Waclaw Sieroszewski, Bronislaw Pilsudski

Introduction

Вторая половина XIX – начало XX вв. – это время проведения масштабных экспедиций на пограничных территориях Российской империи, которые давали центру более полную географическую, климатическую, геологическую картину своих отдаленных земель. Полученные данные позволяли разрабатывать концепцию будущего освоения периферии, строительства инфраструктуры для добычи и использования местных ресурсов. Исследование культур местного населения должно было способствовать включению их в орбиту общей российской цивилизации. Понимание специфики проведения комплексных исследований народов Восточной Сибири и Дальнего

* ORCID iD 0000-0003-4180-5027. belyaeva.veronika@gmail.com; Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

Востока российскими учеными и путешественниками важно не только для изучения истории науки. Современным исследователям следует обратить внимание на контекст данных экспедиций, общие мировые тенденции в этнографии, склонность к сбору как можно большего количества материала, связанного со всеми сферами жизни отдельного народа, в том числе и фиксации антропологических данных. При этом учеными широко использовались такие технологические новинки, как фотоаппараты, фонографы Эдисона и кинематографические камеры, что позволяло фиксировать исследуемых людей в их культурно-социальном контексте. В анализе экспедиций следует обратить внимание на организаторов исследования, научные и политические задачи, финансирование поездки, участники и используемая ими методология, а также собранные в ходе исследований музейные коллекции и другие материалы.

Все этнографические экспедиции, предпринятые Российской империей во второй половине XIX – начале XX вв. на территорию Восточной Сибири и Дальнего Востока, кроме научного, имели прежде всего глубокий политический смысл. Опираясь на концепцию известного российского политолога В.Л. Цымбургского о трех периодах «похищения Европы» в 1710-1856, 1906-1921/23 и 1939-1990 гг., то есть времени, усвоения европейских ценностей, «европеизации» России, а также глубокую заинтересованность и вовлеченность в европейскую политику, можно заметить, что масштабные исследования российской Азии и Дальнего Востока как раз совпадают с первой «евразийской интермедией», то есть периодом повышенного интереса Российской империи к Азии, укрепление территориальных, политических и экономических позиций в этом регионе.¹ Начало данной интермедии связано с поражением России в Крымской войне в 1856 г., а ее окончание совпало с поражением в русско-японской войне в 1906 г. В этот период наблюдается снижение геополитической активности на европейском, ближневосточном и средиземноморском направлениях, что компенсируется вовлеченностью в дела Центральной и Средней Азии, а также Дальнего Востока. Россия покоряет Среднюю Азию, продвигается в сторону Афганистана, осваивает российский Дальний Восток,² особенно приграничные районы с цинским Китаем и остров Сахалин, а также крайне заинтересована в расширении своего влияния на Тибет, Корею, Маньчжурию, Монголию и Туву.

Одним из методов продвижения и укрепления своих интересов в Азии, являлись комплексные научные экспедиции, которые в большинстве своем были инициированы Императорским Русским географическим обществом (ИРГО). Основание общества по личному повелению Николая I в 1845 г. практически совпало с периодом развития геополитического интереса России к Азии. Следует обратить внимание на то, что ИРГО³ было создано при Министерстве внутренних дел, что указывает на государственную поддержку и особый статус. Большинство экспедиций ИРГО, кроме сбора и распространения достоверной географической информации, как было указано в статуте общества, имело также тайные поручения, то есть занималось военной разведкой. Это позволяет

¹ TSYMBURSKIY, 2007.

² YEROKHINA, 2012: 179.

³ С 1845 по 1850 общество носило название Русское географическое общество (РГО).

утверждать, что деятельность ИРГО, кроме научных исследования и географических открытий, способствовала укреплению геополитического влияния Российской империи на периферии страны, особенно в Арктике, Закавказье, Средней и Центральной Азии, на Дальнем Востоке, и даже в таких отдаленных территориях как Океания.⁴

В данный геополитический дискурс вписывается и Восточная экспедиция ИРГО, которая состоялась в 1903 г. Это была одна из последних крупных экспедиций общества на приграничные с Россией территории на Дальнем Востоке, которая должна была охватить несколько регионов, однако из-за ухудшения российско-японских отношений, а также дороговизны проживания на Хоккайдо, экспедиция внезапно завершилась осенью 1903 г., пройдя только два этапа – исследования в Маньчжурии и на Хоккайдо. Само название «Восточная экспедиция» встречается практически только в переписке В.В. Радлова с профессором лейпцигского Библиографического института Гансом Майером⁵ и в статье дальневосточных ученых Г.И. Дударец и В.М. Латышева *Экспедиция В. Серошевского и Б. Пилсудского на о. Хоккайдо в 1903 г.*⁶

Главным участником поездки являлся Вацлав Леопольдович Серошевский, которой, однако, мог привлекать в помощь специалистов, занимающихся конкретным регионом. Этой возможностью Серошевский воспользовался на Хоккайдо и пригласил к совместной работе известного тогда уже исследователя народов Сахалина и Дальнего Востока – Бронислава Осиповича Пилсудского. Ввиду того, что поездка была прервана и целиком не была реализована, в научной литературе она не рассматривается как единая: о маньчжурской части известно довольно-таки мало и она еще не освещена должным образом, а вторая часть, которая прошла на острове Хоккайдо, описана относительно детально благодаря повышенному интересу, особенно в последние 30 лет, к айнской культуре и ее исследователям, в частности к Б.О. Пилсудскому, со стороны японских, польских и российских дальневосточных ученых.

Следует обратить внимание, что официальный отчет по итогам экспедиции не был написан ни Серошевским, ни Пилсудским, ввиду вынужденного досрочного окончания поездки. Только в 1927 г. В.Л. Серошевский издал свои воспоминания о путешествии к айнам *Среди косматых людей*, которые были написаны в жанре беллетристики и были предназначены, прежде всего, для широкого круга читателей. Первое издание вышло в 1927 г. отдельной брошюрой. Позже это произведение вошло в *Дневник* и печаталось множество раз.⁷ В настоящее время одной из лучших публикаций, посвященных совместной поездке Серошевского и Пилсудского на Хоккайдо, является статья *Экспедиция В. Серошевского и Б. Пилсудского на о. Хоккайдо в 1903 г.*⁸ О сотрудничестве двух исследователей упоминали многие известные польские и японские ученые, занимавшиеся и занимающиеся историей науки и исследованиями культуры айнов – Антони Кучинский, Альфред Маевич,

⁴ PAVLOV, 2010: 4.

⁵ Санкт-петербургский филиал архива РАН, фонд 142, опись 1.

⁶ DUDARETS, LATYSHEV, 2002.

⁷ Серошевский [Sieroszewski] 2004.

⁸ DUDARETS, LATYSHEV, 2002.

Збигнев Вуйчик, Коити Иноуэ, Кадзухико Савада, Сиро Сасаки и другие. Некоторые данные содержатся в статьях В.М. Латышева, М.М. Прокофьева, Т.П. Роон, Б.С. Шостаковича и других исследователей, опубликованных в "Известиях Института наследия Бронислава Пилсудского", которые издавались Институтом наследия Бронислава Пилсудского в Южно-Сахалинске с 1998 по 2017 гг.

Экспедиция, как следует из переписки и отчетов, хранящихся в архиве РГО и архиве РАН в Санкт-Петербурге, готовилась в течении нескольких лет. Экспедиция была посвящена сбору этнографических, фольклорных и антропологических данных среди малочисленных народов северо-восточного Китая, а точнее Маньчжурии (дауры, солоны, баргуты), острова Хоккайдо (айны), а также среди китайских хань и населения Кореи. Кроме того, собирались некоторые зоологические коллекции – известно о сборе участниками экспедиции насекомых (жесткокрылых) на Хоккайдо.⁹

Фигуры участников экспедиции заслуживают особого внимания. Вацлав Леопольдович Серошевский (1858-1945) был известным исследователям якутской культуры, писателем, публицистом, политическим деятелем. Его семья была связана с январским восстанием 1863 г. в Польше, поэтому родовое имение было конфисковано. Чтобы содержать себя, Серошевскому пришлось стать ремесленником, благодаря чему, он был связан с социалистическим движением, организовывал кружки и кассы взаимопомощи среди рабочих. В 1878 г. был арестован за участие в рабочем сопротивлении и посажен в тюрьму X павильона Варшавской цитадели. В 1879 г. Серошевский принимал активное участие в бунте заключенных и бросил оконной рамой в генерала Ромео Ульриха, коменданта крепости. Этот поступок был признан покушением, за которое грозила высшая мера наказания. Однако на процессе генерал сказал, что рама не была специально брошена, а просто случайно выпала из рук Серошевского. Будущего исследователя приговорили к 8 годам заключения в тюрьме, но позже наказание было смягчено и заменено ссылкой в Сибирь.¹⁰ В 1880 г. Серошевский прибыл в место своего заключения – Верхоянск. Уже там ссыльный заинтересовался культурой якутов, поддерживал с ними отношения и даже женился согласно местным традициям на якутке Арине Челба-Кыс (русское имя Анна Слепцова).¹¹ Серошевский дважды бежал с места ссылки вместе с женой, которая помогала устроить побег и принимала в них участие. Первый раз исследователь вернулся обратно по собственной воле, второй раз был пойман властями, признан предводителем беглецов и приговорен к 5 ударам кнутом. Однако, в Верхоянске не было палача, который исполнил бы наказание, поэтому приговор был изменен на вечное поселение на территории, отдаленной минимум 100 верст от торгового пути, реки или города. За время своей ссылки Серошевский пребывал в Среднеколымске, Андылахе, Баягантайском и Намском улусе. В последнем Серошевский вел этнографические наблюдения, которые потом описал в фундаментальной монографии *Якуты. Опыт этнографического*

⁹ научный архив РГО, Фонд 1-1902; Санкт-петербургский филиал архива РАН, фонд 723, опись 1, фонд 282, опись 2, фонд 142 опись 1.

¹⁰ SIEROSZEWSKI, 2011: 16-18, 30.

¹¹ ŚLABCZYŃSKI, ŚLABCZYŃSKI, 1992: 284.

исследования, изданной в 1896 г. в Санкт-Петербурге при поддержке ИРГО, и впоследствии награжденной Малой золотой медалью общества. В связи с большим значением данного труда для изучения культуры якутов, монография на русском языке была переиздана в 1993 г..¹² Рукопись *Якуты* Серошевского до сегодняшнего дня хранится в петербургской штаб-квартире РГО.

В 1892 г. Серошевский попал под частичную амнистию, и ему разрешили свободное перемещение по Восточной Сибири, благодаря чему исследователь переехал в Иркутск, где продолжал работать над *Якутами*. В 1894 г. он перебрался в Петербург, а затем в 1898 г., благодаря ходатайству Г.Н. Потанина и П.П. Семенова, получил разрешение вернуться на территорию Царства Польского. Однако бунтарский дух не позволил Серошевскому спокойно жить – он продолжал активно участвовать в борьбе за независимость Польши. Так, в 1900 году он был арестован за участие в манифестации в честь годовщины открытия памятника Адама Мицкевича и был обвинен в том, что является автором прокламации, взывающей к этой манифестации. Был отпущен под залог в 500 рублей, однако ему грозила высылка в Иркутск, где он был приписан к мещанскому сословию.¹³ Чтобы избежать такой участи Серошевский обращается за помощью к П.П. Семенову, который, чтобы спасти уже тогда известного этнографа, и «придумывает» большую экспедицию на Дальний Восток. Приготовления начались в 1901 г., а сама экспедиция планировалась на 1902 г., но ввиду эпидемии холеры в регионе была перенесена на год позже. Экспедиция закончилась внезапно в Японии в сентябре 1903 г., откуда Серошевский через Корею, Китай и Цейлон уезжает в Европу.¹⁴ После возвращения в Польшу исследователь много внимания уделяет литературной работе, но прежде всего участвует в военной и патриотической деятельности. В 1918 г. он даже вошел в состав временного правительства уже независимой Польши. После 1918 г. главным образом пишет художественную литературу, в которой появляется много сюжетов из путешествий и быта сибирских и дальневосточных народов. Умер в апреле 1945 г. в Варшаве, всю войну прожив в оккупированном немцами городе.¹⁵

Имя Бронислава Осиповича Пилсудского (1866-1918) связано с этнографическими исследованиями народов Дальнего Востока и Сахалина – прежде всего нивхов, айнов и ороков (уйлта). Будучи приговоренным к 15 годам каторги на Сахалине за участие в подготовке покушения на Александра III, Пилсудский осенью 1887 г. прибыл на Сахалин. Исследователь провел на Сахалине и Дальнем Востоке более 18 лет. Первый этап каторги прошел на севере острова в Тымовском округе, где Бронислав Осипович встретил местное население – нивхов – уже в первые месяцы своей ссылки. Однако методичные этнографические исследования были начаты только через несколько лет, после встречи в 1891 г. с другим исследователем культур Дальнего Востока и Сахалина, будущим знаменитым этнографом Л.Я. Штернбергом.¹⁶ В 1902 г.

¹² Серошевский [Sieroszewski] 1896, Серошевский [Sieroszewski] 1993; Sieroszewski, 1900.

¹³ OLSZEWSKA, 2011: 130.

¹⁴ WÓJCIK, 2011: 73.

¹⁵ OLSZEWSKA, 2011: 131.

¹⁶ SOKOLOV, BELIAEVA-SACHUK, 2019: 19-20.

по заданию Российской Императорской академии наук Пилсудский начал проводить исследования среди айнов и нивхов на Южном Сахалине, которые вел практически до своего отъезда в Японию, а далее в Европу в 1906 г. В 1903 г. Пилсудский женится согласно местным традициям на айнке Чухсамме из южносахалинского селения Ай. В 1903 г. участвовал в совместной поездке на Хоккайдо с Серошевским, в рамках описываемой Восточной экспедиции. Также исследовал культуру нанайцев на Амуре. За вклад в изучение дальневосточных народов в 1904 г. был награжден серебряной медалью ИРГО.¹⁷ После возвращения на родину, в польскую Галицию, которая тогда была частью Австро-Венгрии, Пилсудский продолжал вести научную работу – обрабатывал свои дальневосточные материалы, проводил этнографические исследования среди гуралей (горцев), собирал музейные экспонаты и безуспешно пытался устроиться на работу в различные научные учреждения. В мае 1918 г. Пилсудский, страдающий от физических болезней, пребывающий в глубокой депрессии после смерти своей возлюбленной, не имеющий средств для достойной жизни, совершил самоубийство, прыгнув в воды Сены.¹⁸ Пилсудский начал свою ссылку в довольно-таки юном возрасте – ему исполнился 21 год, он не успел окончить первый курс юриспруденции в Императорском Санкт-Петербургском университете. На протяжении всей своей жизни Пилсудский так и не получил академического образования, что не помешало ему стать прекрасным этнографом, лингвистом и музейщиком.

Сравнивая фигуры этих двух ученых видны не только некоторые схожие черты в их судьбе, но также и тенденции, которые можно было наблюдать в российской этнографии второй половины XIX – начала XX вв. Прежде всего обращает внимание этническая принадлежность обоих исследователей – они поляки и имели похожий культурно-социальный опыт, так как происходили из мелкого дворянства. Начало европейской научной традиции в России было заложено в XVIII в. немецкими учеными, которые создали твердый фундамент для развития российской науки, в частности и для этнографии.¹⁹ Однако именно поляки внесли свой значимый научный вклад в изучение и освоение Северной Азии во второй половине XIX в. – начале XX в. И среди них были также Пилсудский и Серошевский. Интересен также факт, что они оба не имели высшего, профильного образования и были ссыльными, которым пришлось жить в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока длительное время. Данным исследователям пришлось самим, опытным путем разрабатывать методологию ведения полевых работ, сбора этнографического материала и его обработки. Длительное пребывание с представителями коренных народов явилось результатом глубокого, практического знания специфики материальной и духовной культуры местных народов. Не последнюю роль в этом сыграли так называемые «туземные» или «колониальные» жены польских ученых: якутка Челба-Кыс Серошевского и айнка Чухсамма Пилсудского. Можно сказать, что именно эта категория ученых была первой, которая использовала метод углубленного исследования, описанного и введенного уже позже – после Первой

¹⁷ MAJEWICZ, 2018: 25-26.

¹⁸ STASZEL, 2003.

¹⁹ GOLOVNOV, KISSER, 2015.

мировой войны – в методологию этнологии\антропологии культуры их соотечественником – Брониславом Малиновским. Благодаря полученному опыту исследований в России, после возвращения в Польшу Серошевский, но главным образом Пилсудский, внесли существенный вклад в становление таких ветвей национальной науки как этнография (этнология), фольклористика и музееведение.²⁰

Как уже упоминалась ранее, Восточная экспедиция была инициирована ИРГО при самом живом участии вице-президента общества Петра Петровича Семенова. Однако кроме него, в осуществлении поездки приняли участие многие другие известные российские ученые и общественные деятели – профессор Императорского Московского университета, почетный академик Дмитрий Николаевич Анучин, председатель Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии Василий Васильевич Радлов, секретарь Комитета Лев Яковлевич Штернберг. Пилсудский был незаменим в «айнской» части экспедиции, так как на тот момент лучшего специалиста по культуре этого народа, к тому же знающего язык и социально-поведенческие нормы айнов, в России не существовало. К тому же Штернберг, которого с Пилсудским связывали дружеские и профессиональные отношения, всячески пытался ему помочь в финансировании исследований. Ранее Пилсудский и Серошевский не были лично знакомы, но, возможно, Серошевский познакомился с исследованиями Пилсудского 1892-1894 гг., когда находился в Иркутске в 1894-1896 гг. во время подготовки к печати в Петербурге своей фундаментальной работы *Якуты*. Он также знал о научной работе Бронислава Пилсудского от его младшего брата – Юзефа, с которым Серошевский был хорошо знаком лично. Поэтому, когда было получено предложение от ИРГО отправиться в Японию для сбора предметов по культуре хоккайдских айнов, Серошевский настоял, чтобы его сопровождал и помогал именно Бронислав Пилсудский.²¹ В статье *Среди косматых людей* Серошевский упоминал, что участие Пилсудского в путешествии было неоценимо – именно благодаря свободному владению айнским языком и заботливому отношению исследователя к местному населению, их экспедиция смогла собрать богатый материал.²²

Согласно переписке Серошевского с Андреем Андреевичем Достоевским, секретарем ИРГО, исследователь выехал из Варшавы в начале января в Санкт-Петербург, откуда планировал направиться через Нерчинск в Маньчжурию в Хайлар уже в середине января 1903 г.²³ Пока не обнаружены точные данные, когда Серошевский прибыл на место первой части экспедиции; возможно, дальнейшие исследования и обнаружение новых материалов позволят ответить на этот вопрос. Единственный отчет Серошевского о поездке в Маньчжурию, который хранится в архиве РГО в Санкт-Петербурге, датирован 3 марта 1903 г. Серошевский пишет: «Благодаря любезности начальника Нерчинского батальона полковника В.В. Дежоржа и деятельному участию начальника охотничьей команды поручика Б.О. Шантыра, мне удалось посетить ближайшие селения

²⁰ BELIAEVA-SACHUK, 2019.

²¹ WÓJCIK, 2011: 72-73.

²² Серошевский [Sieroszewski] 2004.

²³ АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–10.

даур, солон и баргут и собрать о них кой-какие сведения»,²⁴ из чего следует, что это было скорее завершение поездки. Тем более, что уже 23 марта Серошевский пишет Штернбергу с парохода Амур о том, что он выехал из Маньчжурии,²⁵ что позволяет утверждать, что первая часть Восточной экспедиции имела место в феврале-середине марта 1903 г.

В «маньчжурском» отчете Серошевский описывает хозяйственный быт дауров, солонов и баргут, затрагивает религиозные верования, проводит некоторые аналогии в культуре монгольских народов и якутов, отдельно останавливается на вопросе уровня ассимиляции описываемых народов²⁶:

...эти маньчжурские племена растворяются с одной стороны в китайской среде с другой в монгольской. Уже теперь самобытные их черты разыскать чрезвычайно трудно, они сохранились в каких-то мелких деталях, ускользающих на первых порах от взгляда путешественника. Изучение их доступно только лицам долго и близко жившим с этим несомненно вымирающим племенем. Одно они сохранили еще – это язык. Многие грамотны и даже в палатках кочевников солон я находил маньчжурскую азбуку и слышал как ребятишки с гордостью хвастали своим знанием маньчжурской грамоты.

К отчету приложены карта даурских и солонских кочевий «текущего года» и план даурской фанзы, сделанные рукой Серошевского, которые хранятся также в архиве РГО. Полный отчет о поездке в Маньчжурию, как и большинство других документов, посвященных Восточной экспедиции, были изданы Дударец и Латышевым в Известиях Института наследия Бронислава Пилсудского,²⁷ однако без каких-либо комментариев и пояснений, а также с некоторыми ошибками и пропусками, которые, по всей видимости, появились во время чтения рукописного текста.

Одним из важных результатов поездки в Маньчжурию является внушительная коллекция предметов, собранных Серошевским, которая хранится в МАЭ РАН (№ 775). Коллекция поступила и была зарегистрирована в 1903 г. Бруно Адлером. Согласно описи 1903 г. данная коллекция содержит 70 коллекционных номеров и 90 предметов. Однако, на самом деле, в коллекции находятся 148 предметов. В описи коллекции содержится подробная информация, собранная Серошевским практически о каждом предмете – везде указаны место сбора, этнические названия, и к какой культуре он относится, какую функцию исполняет. Практически все вещи были изготовлены на территории Маньчжурии, в большинстве своем в Хайларе и Цицикаре, есть несколько вещей из Мукдена. Так, например, с указанием автора, описан предмет МАЭ № 775-69:

Картина, купленная мною в иконописной мастерской г. Цышыкара: гений или божество Цунг-хуй. Фамилия автора Чанг-Дзы-Ян. Прим. Мастер

²⁴ АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–36.

²⁵ Санкт-петербургский филиал архива РАН Ф. 282. Оп. 2. Д. 266. Л. 4–5.

²⁶ АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–36.

²⁷ DUDARETS, LATYSHEV, 2002.

маньчжур, кажется единственный во всем городе работает по заказу, какие угодно иконы. Работает он от руки, станков у него нет. Я приобрел единственную, имеющиеся на лицо картину, как образец его работы. Название гения написано сбоку по-китайски, с другого боку имя мастера.

Коллекция в большинстве своем состоит из предметов быта: много мужской и женской одежды и аксессуаров (курительные трубки, кисеты и т.д.), есть керамика. Кроме того, есть немного религиозной атрибутики. Интерес вызывает седло и конская упряжь, а также лук монгольского типа со стрелами и сабля, подаренная, по словам собирателя, штабс-капитаном Э.О. Колба. Несколько предметов из коллекции МАЭ № 775 находятся на постоянной экспозиции МАЭ РАН «Китай» – это элементы одежды и глиняная утварь, однако целиком коллекция никогда не экспонировалась и не печаталась, оставаясь малоизвестной даже для ученых, специализирующихся в регионе.

Следующим этапом Восточной экспедиции были совместные исследования Серошевского и Пилсудского на острове Хоккайдо. Данная экспедиция широко известна ученым и хорошо описана Дударец и Латышевым, а также Коити Иноуэ,²⁸ поэтому в данной статье детальное описание путешествия на Хоккайдо будет опущено. Однако следует обратить внимание на несколько важных аспектов этой части экспедиции. Серошевский оказался на территории Японии в конце марта – начале апреля 1903 г. Известно, что до начала мая он побывал в Осаке на Всемирной промышленной выставке, был также в Иокогаме и далее отправился на Хоккайдо в Хакодате, где с 3 мая ожидал Пилсудского, который из-за того, что все еще являлся ссыльным, не мог свободно передвигаться, тем более за границы России. Только в середине июля Пилсудский смог добраться на Хоккайдо, где в течении последующих 2 месяцев ученые проводили свои исследования среди айнов. Главным образом работы велись на территории юго-западного побережья Хоккайдо, планировалась также посещение северной части острова, однако этому помешало резкое ухудшение отношений с местными японскими властями, и Серошевский с Пилсудским вынуждены были практически бежать с острова, опасаясь за свою жизнь. Принято считать, что данная ситуация сложилась из-за напряженности в российских и японских отношениях в преддверии войны 1904-1905 гг..²⁹ Однако обращает на себя внимание тот факт, что отношение к исследователям поменялось внезапно. С большой долей уверенности можно утверждать, что кроме научных интересов у Серошевского было также тайное задание узнать обстановку в Японии и отношение местного населения к России. На это может указывать поддержка экспедиции со стороны Матвея Матвеевича Геденштрама, российского консула на Хоккайдо, тот факт, что Серошевский, несмотря на его польско-патриотическую деятельность, которой он продолжал заниматься после окончания Восточной экспедиции, многократно посещал Россию, а Пилсудский в невыясненных до сих пор обстоятельствах покинул Россию, также не имея документов, а также некоторые отрывки из писем Серошевского, которые он посылал в Петербург из Японии. Так, например, 10 августа 1903 г. Серошевский

²⁸ DUDARETS, LATYSHEV, 2002; INOUE, 2010; INOUE, 2018.

²⁹ DUDARETS, LATYSHEV, 2002: 141-142.

пишет Семенову, что «...одно неприятно, что японцы подозревают в нас военных лазутчиков и стесняют нас немного в снимках, не то что запрещают а делают из этого таинственное и запретное дело, что пугает окружающих».³⁰ А вот так он описывает окончание путешествия в письме Достоевскому³¹

...айны тайком сообщили нам тревожные новости, число полицейских наблюдавших за нами, было усилено, нашлись к тому же и добровольцы из японцев... Пришло письмо предостерегающее от консула... А полиция, до сих пор стеснявшая нас в наших экскурсиях, вдруг стала настойчиво предлагать нам прогуляться по горам и долам... Мы побоялись ловушки и решили переждать, но настроение становилось всё тоскливее..., айны стали шушукаться и являлись к нам редко...

Можно предположить, что исследователи слишком открыто или неумело стали расспрашивать местное население по вопросам предполагаемого тайного поручения, что и вызвало крайнюю озабоченность японских властей.

Также некоторые данные по настроениям, царившим среди японцев в 1903 г., встречаются в обширном письме, написанном Серошевским Семенову 26 сентября из Нагасаки³²:

...Но отношения между Японией и Россией в этом году особенно обострились; газеты японские неистовствуют, население возбуждено, постоянно ходят самые нелепые слухи о переодетых русских лазутчиках, о убийствах и насилиях якобы русских над японцами в Корее и Маньчжурии. После поимки русским военным судном («Маньчжур») одиннадцати японских рыболовных шхун раздражение возросло неслыханно, особенно в Хоккайдо, откуда большинство пойманных рыбаков... Айнам стали вменять в преступление разговоры и сношения с нами, отлучка в соседнюю деревню приравнивалась чуть ли не к поползновению к захвату Японии... Мы стали каждую минуту ждать злобной выходки какого-нибудь сумасшедшего фанатика... Сотоварищи мои были прямо напуганы, пребывание в глухих деревнях, где властвовали темные и обозленные люди стало опасно...

В том же самом письме Серошевский предлагает Семенову пригласить российского консула Геденшторма в Петербург, чтобы он сделал доклад о японско-русской рыбопромышленности, и тут же добавляет «Он, правда, может рассказать много интересного о складывающихся теперь новых русско-японских отношениях».³³ Подтверждением возможной «разведывательной» миссии Восточной экспедиции являются и выбор исследуемых территорий – Маньчжурия, Хоккайдо, Корея, которые являлись в начале XX в., а также и гораздо позже, ключевыми регионами для установления господства на Дальнем

³⁰ АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 19–20.

³¹ АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 21–27.

³² АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–63.

³³ АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–63.

Востоке, в контроле над которыми были заинтересованы как Россия, так и Япония.

Интерес Серошевского и Пилсудского к настроениям по отношению к России, царившим среди японцев, был также обусловлен борьбой поляков за независимость их государства. Помощь в этом, как считали некоторые деятели польского освободительного движения, могли оказать другие страны, заинтересованные в сдерживании России, в их числе и Япония. Известно, например, что в июле 1904 г. младший брат Бронислава Пилсудского Юзеф Пилсудский пребывал в Токио, где формировал из российских пленных – этнических поляков, захваченных в ходе русско-японской войны, военные отряды. Он безрезультатно пытался договориться о переброске этих отрядов на маньчжурский фронт с Министерством иностранных дел Японии и Генеральным штабом.³⁴ Возможно, что исследователи также собирали сведения о том, насколько возможна поддержка Польши со стороны японцев, однако из-за того, что для большинства местных жителей Хоккайдо они были "русскими", их цель не была достигнута.

Экспедиция на Хоккайдо имела прежде всего научный эффект. За довольно-таки короткое время был собран богатый этнографический материал, а также сделано более 200 фотографий, в том числе антропологические портреты айнов без одежды (более сорока), 12 кинематографических пленок с танцами айнов. Фонографических записей сделать не удалось ввиду того, что у фонографа лопнул привод.³⁵ К сожалению, негативы и кинематографические пленки на данный момент не найдены, и их судьба остается неизвестной. В ходе японской части путешествия Серошевского были собраны две коллекции, которые сейчас хранятся в МАЭ РАН. Это коллекция МАЭ № 839 «Предметы быта айнов Сахалина и Хоккайдо», собранная Серошевским совместно с Б.О. Пилсудским и коллекция МАЭ № 831 «Предметы культа (фаллический культ)», собранная Серошевским среди японцев. Коллекция МАЭ № 839 «Предметы быта» айнов Сахалина и Хоккайдо (294 коллекционных номера, 324 музейных предмета) поступила в апреле и мае 1904 г. и была зарегистрирована Штернбергом (Серошевский В.Л., Пилсудский Б.О. Дело описи МАЭ № 839). Коллекция отличается большим разнообразием предметов, как бытовых (одежда и аксессуары, домашняя утварь, предметы ремесла и промысла), так и культовых (*инау*, палочки для поддержания усов) и известна среди специалистов и широкой публике. Предметы из данной коллекции приведены в таких публикациях как каталог айнских коллекций МАЭ,³⁶ каталог, посвященный айнской выставке в Японии,³⁷ альбом, посвященный айнским коллекциям Пилсудского в МАЭ РАН,³⁸ а также в ряде книг и статей, освещающих культуру и историю айнов.³⁹ Часть предметов из коллекции МАЭ № 839 демонстрировалась на нескольких выставках: в 1991 г. в Южно-Сахалинске, организованной МАЭ совместно с Сахалинским областным краеведческим

³⁴ KRÓL, 2018: 84.

³⁵ АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 21–27.

³⁶ TAKSAMI, OGIKHARA, 1998.

³⁷ SOKOLOV, MAYKOVA, 2013.

³⁸ SOKOLOV, BELIAEVA-SACHUK, 2019.

³⁹ SPEVAKOVSKIY, 1988: вкладка 8; KHASANOVA, 2005: 139, 140; SOKOLOV, 2014.

музеем, на выставке «Культура айнов: взгляд из России. Из коллекции Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук», организованной в Японии в 2013-2014 гг. и на выставке «Миры Бронислава Пилсудского», проходившей в МАЭ РАН в 2019-2020 гг.

Коллекция МАЭ № 831 «Предметы культа (фаллический культ)» японцев содержит 8 коллекционных номеров и 14 музейных предметов. Она поступила в музей в 1904 г. и была зарегистрирована в том же году Бруно Адлером. Коллекция детально описана научным сотрудником МАЭ РАН А.Ю. Синициным в статье, опубликованной в 2019 г. *Коллекция В.Л. Серошевского (МАЭ № 831) как первая в отечественной этнографии целевая подборка визуально-иллюстративных и предметно-тематических материалов по традиционным японским фаллическим культам*. По мнению автора Серошевский собирал данную коллекцию по личной просьбе Штернберга, так как последний проявлял сильный интерес к пережиткам архаических культов, в том числе и фаллических.⁴⁰ Предметы из коллекции МАЭ № 831 экспонировались на временной выставке МАЭ РАН «За пологом «Весеннего дворца» (культура любви в традициях народов Восточной Азии)» в 1997 г.

Восточная экспедиция 1903 г. практически совпала с окончанием первой «евразийской интермедии» и кроме поставленных научных целей имела политическое и культурное значение. Это предположение подтверждается тем, что и в Маньчжурии, и на Хоккайдо участникам исследований активную поддержку оказывали российские чиновники, военные и другие представители официальной власти. Выбор представителями ИРГО регионов ключевых на тот момент для азиатской политики Российской Империи, указывает на исключительный интерес российского правительства к результатам данной экспедиции. Из этого можно предположить, что такие экспедиции как Восточная экспедиция 1903 г., которые изучали Центральную и Среднюю Азию, а также Дальний Восток, могли иметь широкую государственную поддержку, так как ученые являлись официальными представителями страны, и не только собирали научные данные, но также осуществляли некоторую цивилизационную миссию. Обращает внимание также выбор народов, среди которых велись исследования – это малочисленные, приграничные, отличающиеся этнически от титульной нации. Можно предположить, что параллельно научным исследованиям собиралась информация об их экономическом положении, влиянии культуры титульной нации на традиционную культуру малочисленных народов и их политические настроения. Следует обратить внимание, что народы, культуру которых исследовали Серошевский и Пилсудский в 1903 г. проживали как на территории России, так и по другую сторону границы. Доброе отношение, живой интерес к их культуре представителей Российской империи в противоположность активной политике ассимиляции местных властей могли стать инструментом для создания позитивного образа России и создать предпосылки для ее поддержки местными малочисленными народами в случае военного конфликта. Понимание контекста Восточной экспедиции 1903 г. поможет современным исследователям более детально понять принцип полевых работ и методологию ученых, а также специфику собранного материала

⁴⁰ SINITSYN 2019: 42.

и позволит по-новому осмыслить значение масштабных российских исследований второй половина XIX – начала XX вв. Следует также обратить внимание на роль польских исследователей и путешественников, которую они сыграли в деле обретения независимости Польши.

Bibliography

Archival sources

Nauchnyy arkhiv RGO, Fond 1-1902; Ob ekspeditsii na ostrov Iyesso V.L. Seroshevskogo 1902: AGO. F. 1–1902. Op. 1. D. 19. L. 9–10; AGO. F. 1–1902. Op. 1. D. 19. L. 19–20; AGO. F. 1–1902. Op. 1. D. 19. L. 21–27; AGO. F. 1–1902. Op. 1. D. 19. L. 28–36; AGO. F. 1–1902. Op. 1. D. 19. L. 60–63 [Научный архив РГО, Фонд 1-1902; Об экспедиции на остров Иессо В.Л. Серошевского 1902: АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–10; АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 19–20; АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 21–27; АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–36; АГО. Ф. 1–1902. Оп. 1. Д. 19. Л. 60–63].

Sankt-peterburgskiy filial arkhiva RAN, fond 142, opis' 1 [Санкт-петербургский филиал архива РАН, фонд 142, опись 1].

Sankt-peterburgskiy filial arkhiva RAN, fond 282. opis' 2. d. 266. l. 4–5 [Санкт-петербургский филиал архива РАН, фонд 282. опись 2. д. 266. л. 4–5].

Sankt-peterburgskiy filial arkhiva RAN, fond 723, opis' 1 [Санкт-петербургский филиал архива РАН, фонд 723, опись 1].

Sieroszewski V.L. Predmety byta. Man'chzhuriya. Man'chzhury, daury. MAE RAN. Delo opisi MAE № 775 [Серошевский В.Л. Предметы быта. Маньчжурия. Маньчжуры, дауры. МАЭ РАН. Дело описи МАЭ № 775].

Sieroszewski V.L., Piłsudski B.O. Predmety byta aynov Sakhalina i Khokkaydo MAE RAN. Delo opisi MAE № 839 [Серошевский В.Л., Пилсудский Б.О. Предметы быта айнов Сахалина и Хоккайдо МАЭ РАН. Дело описи МАЭ № 839].

Sieroszewski W., *Dwanaście lat w kraju Jakutów*, Warszawa: Drukarnia Fl. Karpińskiego, 1900.

Sieroszewski V.L., Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya V.L. Seroshevskogo [Серошевский В.Л., Якуты: опыт этнографического исследования В.Л. Серошевского], St. Petersburg. 1896.

Sieroszewski V.L., *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya, Moskva*, 1993.

Sieroszewski V.L., (2004) 'Sredi kosmatykh lyudey', *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskaya oblastnaya tipografiya* 8: 46-88.

Literature

BELIAEVA-SACHUK, V.A. (2019) 'Under the shadow of two eagles. The collection of Polish researchers and travelers in the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences', *Etnografiya* 2 (4): 151-171.

DUDARETS, G.I., LATYSHEV, V.M. (2002) 'Ekspeditsiya V. Seroshevskogo i B. Pilsudskogo na o. Khokkaydo v 1903 g.', *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. Nauchnoye i epistolarynoye naslediyе Bronislava Pilsudskogo: poiski i nakhodki* 6: 147-183.

GOLOVNOV, A.V., KISSER, T.S. (2015) 'Etnoportret imperii v trudakh P.S. Pallasа i I.G. Georgi', *Ural'skiy Istoricheskiy Vestnik* 3(48): 59-70.

INOUE, K. (2010) 'The Ainu Expedition to Hokkaido in 1903', in *A Critical Biography of Bronislaw Pilsudski*, eds. K. SAWADA, K. INOUE, vol. 2 Saitama: Saitama University, 3-37.

INOUE, K. (2018) 'Bronislaw Pilsudski Chronicle', in *The world of Ainu from the time of Bronislaw Pilsudski to Shigeru Kayano*, ed. L. BUCHALIK, Żory: Municipal Museum in Żory, 154-173.

KHASANOVA, M.M. (2005) 'Fotokollektsiya B.O. Pilsudskogo v MAE RAN', *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo. Nauchnoye i epistolarynoye naslediyе Bronislava Pilsudskogo: poiski i nakhodki* 9: 139-152.

- KRÓL, A. (2018) 'Bronisław Piłsudski – kalendarium', in *Ajnowie, górale i Bronisław Piłsudski*, ed. A. KRÓL, Kraków: Manga Museum of Japanese Art and Technology, 63-104.
- MAJEWICZ, A. (2018) '«For the Hearty Laughter of Amused Children, for the Tears of Emotion in the Eyes of Kind Women, for that Balm...»: The Essence and Importance of Bronisław Piłsudski's Scholarly Legacy', in *The Ainu, the Górale and Bronisław Piłsudski*, ed. A. KRÓL, Kraków: Manga Museum of Japanese Art and Technology, 11-46.
- OLSZEWSKA, M. J. (2011) 'Uwagi po lekturze Ku wolności W. Sieroszewskiego', in *Wacław Sierpszewski. Zesłaniec – etnograf – literat – polityk*, eds. A. KUCZYŃSKI, M. MARCZYK, Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 127-147.
- PAVLOV, K.A. (2010) 'Russkoye geograficheskoye obshchestvo: istoriya i sovremennost'', *Sovremennyye problemy servisa i turizma* 1: 4-8.
- SIEROSZEWSKI, A. (2011) 'Wacław Sieroszewski w kręgu rodziny i przyjaciół', in *Wacław Sierpszewski. Zesłaniec – etnograf – literat – polityk*, eds. A. KUCZYŃSKI, M. MARCZYK, Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 127-147.
- SINITSYN, A.Yu. (2019) 'Kollektsiya V.L. Seroshevskogo (MAE № 831) kak pervaya v otechestvennoy etnografii tselevaya podborka vizual'no-illyustrativnykh i predmetno-tematicheskikh materialov po traditsionnym yaponskim fallicheskim kul'tam', *Yaponskiye issledovaniya* 4: 39-59. doi: 10.24411/2500-2872-2019-10027
- SŁABCZYŃSKI, W., SŁABCZYŃSKI, T. (1992) *Słownik podróżników polskich*. Warszawa: Wiedza Powszechna.
- SOKOLOV, A.M. (2014) *Ayny: ot istokov do sovremennosti. Materialy k istorii stanovleniya aynskogo etnosa*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS.
- SOKOLOV, A.M., BELIAEVA-SACHUK, V.A. (2019) *Mir aynov glazami Bronislava Piłsudskogo*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the RAS.
- SOKOLOV, A.M., MAYKOVA, N.V. (2013) *Kul'tura aynov: vzglyad iz Rossii. Iz kollektsii Muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiyskoy Akademii nauk: [katalog vystavki: Muzei Otaru, g. Otaru, Yaponiya, 10 oktyabrya 2013 - 25 noyabrya 2013; Natsional'nyy muzei Kyusyu, g. Dadzayfu, Yaponiya, 10 dekabrya 2013 - 16 fevralya 2014]*, Sapporo: Tsentr izucheniya kul'tury aynov, Khokkaidskii Universitet.
- SPEVAKOVSKIY, A. B. (1988) *Dukhi, oborotni, demony i bozhestva aynov*. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
- STASZEL, J. (2003) 'Związki Bronisława Piłsudskiego z Akademią Umiejętności w Krakowie', in *Bronisław Piłsudski (1866-1918). Człowiek-Uczony-Patriota*, eds. A. LISCAR, M. SARKOWICZ, Zakopane: Zbi-graf., 131-182.
- TAKSAMI, Ch.M., OGIKHARA, Sh. (1998) *Aynskiyе kollektsii Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiyskoy Akademii nauk: Katalog*. Tokyo: Sofukan.
- TSYMBURSKIY, V.L. (2007) *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskiye i khronopoliticheskiye raboty. 1993-2006*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- WÓJCIK, Z. (2011) 'Wacław Sieroszewski o Bronisławie Piłsudskim. Karta z dziejów współpracy i przyjaźni', in *Wacław Sierpszewski. Zesłaniec – etnograf – literat – polityk*, eds. A. KUCZYŃSKI, M. MARCZYK, Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 71-81.
- YEROKHINA, Ye.A. (2012) *Sibirskiy vektor vnutrenney geopolitiki Rossii*. Novosibirsk: Institut filosofii i prava SO RAN.

To cite this article: Beliaeva-Sachuk, V. (2021). Восточная экспедиция Вацлава Серошевского и Бронислава Пилсудского 1903 года [Eastern Expedition of Wacław Sieroszewski and Bronisław Piłsudski in 1903]. *Historia i Świat* 10, 317-330, DOI: 10.34739/his.2021.10.15

© 2021 The Author(s). This open access article is distributed under a Creative Commons Attribution (CC-BY) 4.0 license.